Введение

Он на клинок дохнул – и жало
Его сирийского кинжала
Померкло в дымке голубой:
Под дымкой ярче заблистали
Узоры золота и стали
Своей червонною резьбой.
«Во имя Бога и пророка,
Прочти, слуга небес и рока,
Свой бранный клич: скажи, каким
Девизом твой клинок украшен?»
И он сказал: «Девиз мой страшен…»
И.А. Бунин
Стихотворение «Тайна»

В начале XXI в. угрозы безопасности европейских стран существенным образом видоизменились и продолжают возрастать. В данном номере журнала исследуются феномен политически мотивированного насилия, воплощенного в современном терроризме, и связанные с ним угрозы. Террористы XXI в. используют современные социально-политические, национальные и религиозные конфликты и действуют в их контексте. Изменились мотивации и способы осуществления насилия, а также методы и технологии воздействия на индивидов, побуждающие их к осуществлению террористических актов. Кто же является основным актором современного терроризма в европейских странах? Самая большая террористическая угроза для Европы сейчас существует в пяти ипостасях.

Ее *первая составляющая* – само «ядро» ИГИЛ[1], террористической организации, создавшей государственные структуры и функционирующей на территории Сирии и Ирака. ИГИЛ несет большие потери в живой силе, технике, инфраструктуре. Гражданское население в зоне боевых действий не в состоянии платить налоги и оказывать необходимую помощь джихадистам. Группировка теряет доступ к нефтяным месторождениям, разрушаются пути поставки контрабанды. Происходит планомерная ликвидация лидеров. Из «ядра» ИГИЛ в Ираке вынуждены уезжать иностранные боевики, опасающиеся быть схваченными или убитыми. Но часть группировки ушла в подполье в районе Мосула, а также в западной провинции Анбар, другая часть просочилась в соседнюю Сирию. В освобожденных Тикрите, Рамади и Фаллудже боевики ИГИЛ действуют партизанскими методами. До тех пор пока политические, этнические и религиозные проблемы Сирии и Ирака не будут решены, ИГИЛ может возродиться в той или иной форме. Однако есть основания считать, что в ближайшей перспективе в связи с понесенными потерями «ядро» ИГИЛ будет располагать лишь ограниченными возможностями для отправки боевиков за пределы Сирии и Ирака, например в Европу, и его возможности по руководству европейскими подпольными террористическими ячейками, а также по их финансированию и контролю за ними будут значительно сужены. Поэтому можно предположить, что «ядро» ИГИЛ, хотя и будет представлять определенную угрозу для Европы, останется угрозой устойчивого нижнего уровня. Такого мнения придерживаются, например, Т. Хегтхаммер и П. Нессер, эксперты в области изучения терроризма из норвежского Института оборонных исследований, которые считают, что «Исламское государство» не представляет для Запада такой же угрозы, как «Аль-Каида»[2] в 2000-е годы. Они утверждают, что ИГИЛ пока не имеет глобального измерения в том смысле, что не направляет значительную часть своих ресурсов на «внешние операции». «Исламское государство», по их

---

[1] *Здесь и далее: «Исламское государство» (ИГ, ИГИЛ) – террористическая организация, запрещенная на территории РФ.*

[2] *Здесь и далее: «Аль-Каида» – террористическая организация, запрещенная на территории РФ.*

мнению, занимает весьма двусмысленную, неопределенную позицию по отношению к террористической деятельности на Западе. Его лидеры обещали завоевать Рим и призывали своих сторонников осуществлять террористические нападения, но они вовсе не говорят о проведении крупных терактов силами самой организации в ближайшем будущем. Т. Хеггхаммер и П. Нессер считают, что, хотя рядовые члены ИГИЛ участвовали в нескольких заговорах и террористических нападениях, высшее руководство «Исламского государства» не занималось подготовкой отрядов для проведения крупных операций в Европе и США, как это делали Усама бен Ладен и Айман аль-Завахири [Hegghammer, Nesser, 2015, p. 26]. Однако ведущий российский востоковед Б.В. Долгов, анализируя деятельность «Исламского государства», в своей статье показывает высокий уровень глобальной угрозы, порожденной «Исламским государством».

Вторая составляющая – изначально самостоятельные вооруженные группировки или отколовшиеся части других групп, функционировавшие до того, как группировка ИГИЛ вышла из орбиты «Аль-Каиды» в 2014 г. Эти группы управляют своими сетями независимо от «ядра» ИГИЛ, имеют собственное финансирование и логистику. Не все они действуют в строгом соответствии с концепцией и принципами деятельности ИГИЛ. Некоторые по примеру «Аль-Каиды» стараются не осуществлять нападения на места отправления культа, религиозные объекты, гражданских лиц. Не исключено, что некоторые из этих групп отстранятся от обеих организаций и сформируют собственное идеологическое ответвление джихадизма в соответствии с местными условиями и верованиями. Такие джихадистские группы уже появляются в Сирии и Пакистане, и не исключено, что они будут иметь сторонников в Ливии, Йемене и Сомали, где наблюдается вакуум власти.

Третья составляющая – «Аль-Каида», продолжающая подготовку террористических актов, иногда во взаимодействии с «Исламским государством».

Четвертая составляющая – возвращающиеся из мест проведения боевых действий в Сирии и Ираке иностранные боевики-террористы. «Исламское государство» неоднократно угрожало ев-

ропейским странам – участницам антитеррористической коалиции, особенно Бельгии, Франции, Италии и Великобритании, а также странам Иберийского полуострова. В Париже, Копенгагене и Ницце террористы имели целью организовать нападения с максимальным количеством жертв. Большая часть терактов осуществлялась под влиянием и во имя «Исламского государства». Некоторые европейские джихадисты занимают высокие посты в ИГ и имеют контакты с террористическими ячейками в Европе. Не секрет, что боевики используют для своего передвижения потоки мигрантов и беженцев, направляющихся в Европу из районов боевых действий. Например, двое из террористов, совершивших нападение в Париже 13 ноября 2015 г., въехали на территорию Европы, в Грецию, вместе с беженцами из Сирии. Иностранные боевики-террористы следуют характерной для ИГ тактике использования огнестрельного оружия вкупе с самодельными взрывными устройствами. Теракты планируются «возвращенцами» из зон военных действий, получающими инструкции из ИГ и использующими для проведения нападений местных рекрутов. В настоящее время длительный процесс радикализации и вербовки сменяется поспешным рекрутированием. Джихадисты сейчас выбирают легкие цели, гражданское население, поскольку осуществить нападение на гражданских лиц проще, чем на военнослужащих, полицейских или объекты инфраструктуры. Кроме того, убийство гражданских лиц внушает больший страх. Успехи антитеррористической операции в Сирии побуждают боевиков принимать ответные меры, которые в глазах их сторонников выглядят вполне оправданными, и интенсифицировать свои действия в Европе. Атаки террористов становятся, помимо прочего, одним из способов вдохновить и рекрутировать боевиков из Европы для переправки в Сирию и Ирак. Реальной угрозой безопасности является диаспора сирийских беженцев-суннитов, которые могут стать легкой добычей для эмиссаров «Исламского государства», подыскивающих кандидатуры для совершения терактов на территории Европы. При этом нельзя исключать и возможность того, что в перспективе иностранные боевики могут присоединиться к другим террористическим организациям, которые не испытывают такого мощного внешнего давления, как ИГ.

Распространение киберпреступности, расширение сферы услуг теневой экономики значительно упростили преступникам доступ к средствам и инструментам осуществления своих незаконных действий и отмывания денег, а также предоставили новые возможности для получения огнестрельного оружия и взрывчатых веществ. Кроме того, немалую озабоченность вызывает появление и распространение в благополучных странах Европы оружия, нелегально вывезенного из зон европейских конфликтов (Украина, Западные Балканы). Все это может способствовать получению террористами доступа к боеприпасам, взрывчатым веществам, прекурсорам и компонентам, необходимым для создания взрывных устройств. При этом боевики, возвращающиеся из Сирии, могут иметь опыт использования химического оружия. Более того, несмотря на усилия мирового сообщества, не исключено, что на территории Сирии могут остаться компоненты химического оружия. Поэтому надо уделить особое внимание охране химических и ядерных объектов на территории Европы.

Наконец, *пятая составляющая* – террористы-одиночки, «одинокие волки». В настоящее время они являются главными исполнителями террористических актов на Западе. Действительно, в последнее время увеличилось количество нападений, осуществляемых террористами-одиночками, в том числе исламистского толка, для рекрутирования которых весьма эффективной становится пропаганда исламизма в медийном пространстве. «Исламское государство» особенно преуспело в инспирировании «индивидуального джихада» своих сторонников на Западе. Террористических нападений, осуществленных под влиянием идеологии «Исламского государства» за время его активной деятельности, было в два раза больше, чем атак иностранных боевиков-террористов, возвратившихся из Сирии.

Здесь, впрочем, необходимо подчеркнуть, что террористические нападения «одиноких волков» довольно часто являются проявлениями правого экстремизма. Пока в центре общественного внимания остается все прибывающий поток мигрантов, включая беженцев, а Евросоюз плохо справляется с проблемой, правые экстремисты используют сложившуюся ситуацию в своих целях. В Финляндии, например, появились патрулирующие улицы груп-

пы, связанные с «Нордическим движением сопротивления» – скандинавской национал-социалистической организацией, имеющей филиалы в Швеции, Норвегии и Дании. Угрозе правого терроризма в Германии посвящена статья А.В. Белинского, опубликованная в данном выпуске журнала.

А.Е. Степанова, исследователь проблем терроризма из ИМЭМО, систематизирует особенности транснационализации терроризма в настоящее время, выделяя три основных направления его развития. Во-первых, это регионализация, т.е., с одной стороны, децентрализация движения глобального джихада, например от «ядра» «Аль-Каиды» к ее региональным филиалам, с другой стороны, наоборот, выход с локального на глобальный уровень, что характерно, например, для «Исламского государства». Во-вторых, это сетевая фрагментация – деятельность небольших ячеек, например, на территории Европы, связанных между собой только радикальной идеологией. В-третьих, «формирование направленных транснациональных и трансрегиональных потоков радикально-террористических элементов из разных регионов мира» [Степанова, 2016, с. 44].

С такой систематизацией основных тенденций террористической активности можно согласиться с учетом того, что к акторам сетевой фрагментации наряду с автономными ячейками нужно причислить и террористов-одиночек, интенсивность деятельности которых постоянно растет. Деятельности террористов-одиночек, «одиноких волков», посвящена размещенная в данном выпуске журнала статья О.Н. Новиковой.

Нельзя обойти стороной вопрос об угрозе массированного нападения с большим количеством жертв, сопоставимого с терактом 11 сентября 2001 г. Известный ученый С. Краснер, сотрудник Гуверовского института и Стэнфордского университета, называет подобное нападение «черным лебедем». Как известно, этот термин ввел в оборот Нассим Николас Талеб, который в 2007 г. выпустил книгу «Черный лебедь[1]: Под знаком непредсказуемости». Исполь-

[1] *Термин «черный лебедь» заимствован из латинского выражения «редкая птица на земле подобна черному лебедю» (лат. rara avis in terris nigroque simillima cygno).*

зуя свою теорию «черного лебедя», Н.Н. Талеб анализирует реакцию на события, характеризующиеся низким уровнем вероятности, которые оказывают очень большое влияние на дальнейшие события и могут быть объяснены лишь после того, как случатся. С. Краснер считает, что вероятность нападений, подобных теракту 11 сентября 2001 г., ничтожно мала и американское правительство выделяет неоправданно большие ресурсы для того, чтобы противостоять террористической угрозе, однако никогда не признается в этом, поскольку массированная террористическая атака и есть «черный лебедь». Цена такого нападения в виде человеческих жертв и нестабильности на глобальном уровне будет необыкновенно высока. И внутренняя человеческая потребность уклоняться от риска, имея в виду вероятность больших потерь, будет создавать базу для политической поддержки усилий по направлению избыточных ресурсов на предотвращение подобных нападений. «Если и есть аргумент в пользу того, что Соединенные Штаты выбрали неверный путь, он должен быть основан на утверждении, что решительные шаги, предпринятые Соединенными Штатами в борьбе с транснациональными террористическими организациями, особенно нападения на исламские джихадистские организации, начиная с использования дронов и кончая вторжением в Ирак, скорее ухудшили, чем улучшили ситуацию и способствовали скорее увеличению, чем снижению числа индивидов, желающих присоединиться к джихадистским организациям» [Krasner, 2014, p. 5].

Для подробного раскрытия темы, заявленной в данном выпуске журнала, было важно исследовать политику ведущих европейских государств – Германии и Франции – в области борьбы с исламским терроризмом. Проблемы, с которыми сталкивается Германия, освещены в двух статьях. Н.И. Ахтамзян сконцентрировалась на анализе степени и формы участия ФРГ в антитеррористической борьбе. В свою очередь, Ф.О. Трунов рассматривает германский опыт противодействия движению «Талибан» в Афганистане с точки зрения его применимости в борьбе с «Исламским государством». В статье В.Н. Чернеги дан подробный анализ внешних и внутренних факторов, обусловивших возникновение во Франции террористической угрозы.

Один из материалов журнала, автором которого является П.В. Шлыков, посвящен особенностям отношения Турции к террористическим угрозам, эволюции ее политики в сфере безопасности. Вскрываются истинные причины этой эволюции от тесного сотрудничества с Западом в рамках создававшейся ЕС и НАТО системы безопасности на Ближнем и Среднем Востоке к более самостоятельной деятельности в этом регионе, сопровождающейся сотрудничеством с джихадистами и политической делиберализацией внутри страны.

Особое внимание в данном номере журнала уделено специфике проявления террористической угрозы в отдельных регионах и странах постсоветского пространства. В работе Д.В. Малышева анализируется угроза для России и Европы, исходящая из постсоветского Юга. С прискорбием можно констатировать, что теракты в Санкт-Петербурге 3 апреля 2017 г. и в Стокгольме 7 апреля 2017 г., совершенные выходцами из этих регионов, подтверждают актуальность данной темы.

Список литературы

Степанова Е.А. Долгосрочный прогноз тенденций в области терроризма // Мир-2035 / РАН. ИМЭМО; Под ред. В.В. Михеева. – М., 2016. – С. 39–52. – Режим доступа: http://www.imemo.ru/files/File/magazines/puty_miru/2016/01/05_Stepanova.pdf (Дата обращения – 26.04.2017).

Hegghammer Th., Nesser P. Assessing the Islamic State's commitment to attacking the West // Perspectives on terrorism / Terrorism Research Initiative. – Vienna, 2015. – Vol. 9, Issue 4. – P. 14–30. – Mode of access: http://www.terrorismanalysts.com/pt/index.php/pot/article/view/440/html (Дата обращения – 26.04.2017).

Krasner S. Transnational terrorism / Hoover Institution; Stanford univ. – Stanford, CA, 2014. – 7 p. – Mode of access: http://www.hoover.org/sites/default/files/fw_hoover_foreign_policy_working_group_unconventional_threat_essay_series/201411%20-%20Krasner.pdf (Дата обращения – 26.04.2017).

О.Н. Новикова